

Оба юноши задрали головы, разглядывая огромный кумачовый транспарант с собственными именами. Сердце сладостно щемило от гордости. Гоудань потянул отца за рукав и указал пальцем вверх:

— Вот, батя, гляди, это про твоего сына и Ван Сюаня написано. Ли Кай — это я, а Ван Сюань — это Ван Сюань.

— И чего пишут-то? — спросил Ли Сы.

— Пишут, что сын у тебя — голова! — улыбнулся Гоудань. — Второе место по всей провинции занял, а в нашей школе так и вовсе первое. Поздравляют с поступлением в лучший столичный университет. А вон то, рядом — имя Ван Сюаня.

Их имена красовались на отдельных полотнищах, выведенные огромными, жирными иероглифами. Списки остальных счастливицов ютились пониже, стиснутые в мелкие, едва различимые строчки. Школьное руководство явно знало своих героев в лицо и не стеснялось это демонстрировать.

Ли Сы так и застыл с задранной головой. Читать он не умел, но раз уж сын сказал, что там их имена — значит, так оно и было. Грамота казалась ему невероятно красивой, а ярко-красный шелк транспарантов — праздничным и величественным.

Школа, судя по всему, пребывала в полнейшем восторге. Руководство пошло на невиданный шаг: на площади у уездного универмага вывесили огромный плакат. На нём размашистыми мазками были выведены их оценки и названия столичных вузов, куда их зачислили. Прохожие то и дело останавливались у стены, удивленно качая головами и обсуждая небывалый успех.

— Вон то — тоже про нас, — негромко добавил Гоудань.

Ли Сы переполнили чувства. Одно дело — увидеть имя сына на школьных воротах, и совсем другое — посреди главной городской площади. Грудь старого крестьянина распирало от небывалой гордости.

«Вот оно какое... величие предков прославить», — крутилось у него в голове.

Точно как в старые времена, когда крестьянский сын сдавал императорские экзамены на чин цзиньши. И пусть на плакате чернели лишь сухие знаки имен, а прохожие понятия не имели, как выглядит этот чудо-юноша, для Ли Сы это не имело значения. Главное — люди смотрят и уважают.

Благодаря стараниям Уездной средней школы слухи разлетелись мгновенно. Весь уезд теперь знал, что второе и третье места в провинциальном рейтинге достались местным ребятам. До звания «чжуаньюаня» — абсолютного победителя — им не хватило каких-то двух-трех баллов.

Простые обыватели, далекие от тонкостей экзаменов, вздыхали: мол, сущие пустяки, поднажали бы чуток — и сравнялись. Но Гоудань и Ван Сюань понимали суровую правду жизни: экзамен есть экзамен. Даже если соперник обошел тебя на жалкую долю балла, победителем все равно объявляют его, а не тебя.

Впрочем, уездным жителям не было дела до далекого триумфатора из чужих краев. Нашего провинциального «чжуаньюаня» никто и знать не знал, зато имена местных героев — серебряного и бронзового призеров — были у всех на слуху. Газет здесь отродясь никто не читал, новости узнавали из тех самых уличных плакатов. Для местных они стали легендой — двое мальчишек, сумевших пробиться в святая святых столичного образования.

— Вот тебе и сила рекламы, — задумчиво пробормотал Гоудань.

Следующим пунктом в их списке благодарностей стоял визит к Лю Юаню. Этот человек сделал для ребят едва ли не больше всех остальных взрослых, с которыми им доводилось сталкиваться. Раздав поклоны школьным учителям, юноши решили выразить признательность своему главному покровителю. Прикупив в уездном универмаге нехитрых гостинцев, они вместе с отцом отправились в гости. Ли Сы никогда прежде не видел Лю Юаня лицом к лицу, но по рассказам сына знал, сколько тот для них сделал. Старик хоть и был простоват, но законы гостеприимства и благодарности чтит свято.

Когда Ли Сы, запинаясь и путаясь в словах, завел пространную благодарственную речь на своем дремучем деревенском диалекте, Лю Юань выслушал его с глубочайшим почтением. В его лице не дрогнул ни один мускул, не было и тени высокомерия к неотесанному крестьянину. Он беседовал с Ли Сы на равных, как мужчина с женщиной. Ребята и подумать не могли, что городской начальник не просто разберет ломаный столичный говор старого крестьянина, но и сам легко перейдет на местное наречие.

Гоудань с Ван Сюанем невольно подивились: как столь выдающийся человек оказался в такой глуши? Лю Юаню было от силы тридцать шесть или тридцать семь лет — мужчина в самом соку. Он держался с исключительным достоинством и мягкой интеллигентностью, совсем не походя на сурового служивого человека, коим являлся по долгу службы.

Угощать вызвались Гоудань с Ван Сюанем, пригласив всех в самый лучший и дорогой ресторан уезда. Впрочем, они давно уже жили одной семьей и кошельки не делили — повод-то общий, радостный! Мать Лю Юаня, старая госпожа Лю, не стала настаивать на домашнем обеде. Старушка с сияющей улыбкой облачилась в обновку, которую ребята привезли ей из поездки в Особую экономическую зону. Это платье, сшитое искусными руками старых мастеров по ту сторону пролива, сидело на ней безупречно, мгновенно придав ее облику благородную строгость и утонченное изящество.

Ван Сюань за словом в карман не лез: его медовые речи то и дело заставляли Мать Лю Юаня весело смеяться. Гоудань же, заметно повзрослевший, уже не заискивал перед взрослыми ради лакомого кусочка, как в детстве — его манера говорить приобретала черты деловой хватки будущего коммерсанта. И все же оба юноши умели найти подход к старикам.

Обед вышел поистине царским. После ресторана Гоудань и Ван Сюань вызвались проводить старушку на рынок за покупками. Отец с сыновьями задержались в уезде на пару дней, остановившись в недавно приобретенном домике на окраине. Хотя правильнее было называть его полноценной усадьбой. Прежние хозяева без проволочек переоформили документы на право пользования землей, и теперь бумага на право застройки красовалась именем Гоуданя. Пусть сделка и обошла сторону некоторые формальности, юридически все было оформлено комар носа не подточит.

Все эти два дня Мать Лю Юаня наотрез отказывалась отпускать гостей, требуя, чтобы они обедали у нее. Так что очаг в новом пригородном доме разжигать не пришлось. Спустя два дня Ли Сы начал изнывать от беспокойства за домашнюю птицу и особенно за своего любимого рыжего бычка, а потому засобиравшись обратно в деревню. Ребята остались еще на пару дней, чтобы повидаться со школьными товарищами и вволю нагуляться, после чего, нагруженные свертками и гостинцами, наконец вернулись в родные края.

Праздновать поступление с размахом молодые люди не планировали. Хотя в округе и шептались, будто ребята сошлись с какими-то заезжими богатеями и теперь гребут деньги лопатой, сами они богатством никогда не хвастали. Разве что одеваться стали получше, но семейное гнездо — все та же покосившаяся глиняная мазанка под соломенной крышей — оставалось прежним.

Семья у них была крошечная, затевать грандиозный пир — только силы и деньги на ветер выбрасывать. Односельчанам они просто объяснили: мол, нужно копить на учебу в столице, а уж как жениться надумаем — тогда и закатим пир на весь мир. Люди сочувственно кивали. В конце концов, все помнили, что Ли Сы еще пару лет назад перебивался с воды на жидкую кашу. Откуда у бедняка средства на барские гулянья?

Рано утром во дворе соорудили временный очаг из дикого камня и водрузили на него два огромных чугунных котла, одолженных у производственной бригады. Эти котлы помнили еще времена «общих столовых». Несколько лет назад, когда в деревне забивали свиней, их уже доставали, хорошенько отмывали и варили в них наваристый бульон.

Денег в конвертах ни с кого брать не стали. Ли Сы просто хотел разделить свою отцовскую радость с соседями: пусть каждый придет и отведаст чашу «праздничной лапши», приобщившись к чужой удаче. В котлах, набитых свиными костями и жирной уткой, бурлила колодезная вода, превращаясь в густой, лоснящийся бульон. Хозяева отлили добрую половину этого навару в ушаты, разбавили остаток чистой водой и засыпали покупную пшеничную лапшу.

В доме Гоуданя посуды на всю деревню не водилось, да и усложнять никто ничего не хотел. Односельчане шли со своими чашками. Каждому щедро наливали дымящегося супа с лапшой, посыпая сверху горстью свежего зеленого лука. Простое, но до чего же душевное вышло угощение!

На дворе стоял восемьдесят пятый год. В стране по-прежнему хватало тех, кто недоедал и ходил в обносках, а долги из года в год камнем тянули крестьянские хозяйства на дно. Хотя

жизнь и стала понемногу налаживаться, больше восьмидесяти процентов населения страны все еще балансировало на грани бедности. Покупная пшеничная лапша из тонкой муки в доме Ли Сы считалась роскошным угощением. Соседям было неловко приходить с пустыми руками, а потому каждый нес что мог: кто горсть риса, кто щепотку муки, кто охапку свежей зелени или пару крепких кабачков.

Как только бульон в котле начинал понемногу бледнеть, в него подливали припасенный густой концентрат из ведра, возвращая прежний наваристый вкус. Разварившуюся до мягкости утятину и свиные кости вынули, аккуратно разделили на волокна и подали к почетному столу. За ним восседали уважаемый Старый староста деревни, деревенский актив и старейшины клана Ли — глубокие, убежденные седидами старцы, вершившие судьбы общины. Они неспешно вели беседу, закусывая лапшу сочным мясом.

Простым гостям мяса не досталось, но никто не был в обиде. Зато деревенский комитет выхлопотал для будущих студентов небольшое денежное пособие. Старейшины же собрались здесь не только ради угощения — их долгом было зафиксировать столь важное для всего рода событие. У клана Ли испокон веков велась родословная книга. В бурные и смутные годы ее пришлось спрятать от греха подальше, но теперь, когда Гоудань поступил в столичный университет, это событие требовалось занести в хроники золотыми буквами — точно так же, как в былые времена записывали имена тех, кто успешно сдал государственные экзамены на ученую степень цзюйжэня.

Гоудань, правда, втихомолку недоумевал: старейшины-то отродясь грамоте обучены не были, как они собираются вести записи? Да и традиции имясловия давно пошли прахом. Взять хотя бы его отца, Ли Сы — никакого намека на родовое имя. В его же поколении все стало еще проще: не начини Гоудань учиться, так и остался бы до гробовой доски Гоуданем. О положенных по старшинству родовых иероглифах никто и не вспоминал.

И пускай старая родословная книга пылилась без дела добрых полвека из-за поголовной безграмотности, старики берегли её пуще глаза. Видимо, в их душах жила какая-то своя, невыразимая словами вера в неразрывную связь времен.

Родня из старой усадьбы Ли явилась на праздник с кислыми минами. Им выделили лишь скромную миску мясных обрезков, предназначенную лично для старой госпожи Ли.

Скромные проводы затянулись до самого вечера, и, несмотря на простоту, праздник получился по-настоящему душевным и шумным.

На следующий день юноши накрыли отдельный стол для своих деревенских друзей. Им хотелось попросить ребят приглядывать за отцом, пока они будут грызть гранит науки в далекой столице. На огонек заглянул даже недавно выписавшийся из больницы Дачжуан. Он заметно осунулся, потеряв былую упитанность, и теперь тяжело опирался на костыль. Пришел и Даня. Парень почти полностью оглох, но, к счастью, руки-ноги были целы, а при его трудолюбии на кусок хлеба он всегда заработает.

— Чего?! — вытаращил глаза Ли Сы, услышав новость. — Мне тоже в столицу ехать? Да как же это...

— Батя, неужто ты нас провожать не поедешь? — с улыбкой прищурился Гоудань.

— Да помилуй... — Ли Сы растерянно поскреб затылок. Он понятия не имел, в какой стороне эта столица находится, да и как он, деревенский мужик, дорогу найдет? Он и в уездном-то городе до сих пор блуждал, как в дремучем лесу.

— Там же сам Председатель Мао жил, — уговаривал Гоудань. — Говорят, на площади до сих пор его огромный портрет висит. Неужто своими глазами взглянуть не хочешь? Поедем пораньше, обустроимся, а потом я тебя на обратный поезд посажу.

Отпускать отца в обратный путь одного Гоудань побаивался — старик наверняка заблудился бы на первом же крупном вокзале.

Ли Сы замялся. Внутри него разгорелось нешуточное любопытство. Этот неразговорчивый крестьянин всю жизнь провел в четырех стенах родной деревни, курсируя между домом и полем. Если бы не необходимость тащить сыновние тюки с вещами во время поступления, он бы и в Уездную среднюю школу ни за что не выбрался.

А тут — Столица! Заветная мечта любого китайского пахаря. Место, где вершилась история, где жил великий вождь, а если заглянуть еще глубже в века — древняя императорская цитадель.

— Мы сможем во дворец к императору сходить, туда теперь всех пускают, — подначивал Гоудань.

— Прямо-таки пускают? — ахнул Ли Сы. — И правда пускают? И что, у него там палаты из чистого золота выстроены? И на это чудо дают поглазеть простым людям?

— Да вроде дают... — неуверенно протянул Гоудань.

Насчет золотых палат он сильно сомневался — ни в одном историческом трактате о таком не упоминалось. Но народная фантазия, как обычно, не знала границ.

— Ну ладно, — наконец решился Ли Сы, тяжело вздохнув. — Была не была, едем все вместе.

Получив согласие отца, Гоудань засучил рукава. Предстояло решить массу вопросов: раздобыть билеты на поезд, собрать вещи, приготовить памятные подарки для столичных знакомых. Но главное — нужно было пристроить домашнее хозяйство, иначе Ли Сы всю дорогу извелся бы от тревоги.

Первым делом Гоудань принялся высаживать молодые саженцы абрикосов и слив, которые они с Ван Сюанем загодя выкопали в горах. Он выстроил их в два ровных ряда прямо от ворот усадьбы, оставив между ними широкий проезд — такой, чтобы легко могла проехать грузовая машина. Эта аллея должна была стать их личной дорогой, ведущей к главному деревенскому тракту.

Гоудань вовремя заметил, что деревня разрастается и соседи начинают строиться все ближе к их участку. Чтобы в один прекрасный день кто-нибудь бесцеремонно не перегородил им единственный выезд, он решил закрепить за собой право на эту землю. Пройдет несколько лет, деревья окрепнут, раскинут кроны, образовав живописную аллею, и никому уже не придет в голову возводить здесь жилые постройки. Пусть строятся поодаль. А уж если кто покусится на их деревья — пусть пеняет на себя.

Они хорошенько пролили лунки водой и закрепили колышками неокрепшие стволы. Саженцы высотой по колено имели отличную корневую систему, так что прижиться должны были без проблем. В крайнем случае, засохшие деревца всегда можно заменить новыми.

Заботы об усадьбе поручили Ли Мингуану, сыну старой тетушки. Поначалу Гоудань подумывал оставить хозяйство на Цичжи, у которого занятия начинались позже остальных, но вовремя передумал: если вздорная старуха из старого дома Ли решит устроить очередную пакость, парень просто не сдюжит. Другое дело — Мингуан. Ему перевалило за тридцать, характер он имел кремь, а его честность снискала ему непререкаемый авторитет среди деревенской молодежи.

По настоянию самого Мингуана они вместе с Гоуданем обошли старейшин рода Ли, чтобы те выступили свидетелями уговора. Гоудань и без того полностью доверял названному брату, но раз уж тот хотел сделать все по правилам, спорить не стал.

— Ты яйца-то от наших кур да гусей забирай, Брат Мингуан, — напутствовал Гоудань родственника. — Пусть ребятишки твои лакомятся, стесняться тут нечего. Если их вовремя не собрать, они просто сгниют. Да и птицы у отца развелось немерено, не хватало еще, чтобы новые цыплята вывелись — бате одному с такой оравой не сдюжить.

Понимая, что сыновья уезжают надолго и баловать их свежими яйцами больше не получится, Ли Сы заранее наготовил впрок целые чаны соленых утиных и гусиных яиц.

Заодно Гоудань пустил под нож лишних петушков и старых, переставших нестись уток. Часть тушек они завялили со специями: половину решили взять с собой в дорогу, а вторую — оставить отцу. Ван Сюань владел кулинарным искусством в совершенстве. Завяленное им мясо приобретало неповторимый вкус с едва уловимым, благородным ароматом целебных трав. Такие деликатесы не стыдно было преподнести в качестве гостинца даже самым искушенным столичным господам.

— Овощи на грядках тоже рви, не стесняйся, — продолжал раздавать указания Гоудань. — Иначе перезреют и пропадут. А если излишки останутся, можно засушить впрок. Да, чуть не

забыл! Вот наши конспекты. Здесь все темы разложены по полочкам. В основном их Ван Сюань писал — у него почерк каллиграфический, аккуратный, любо-дорого посмотреть, и все предметы охвачены.

Свои собственные тетрадки Гоудань даже показывать не стал — в его каракулях черт ногу сломит. К тому же вести аккуратные записи он терпеть не мог, предпочитая делать пометки прямо на полях учебников.

Дочка Ли Мингуана как раз перешла в старшие классы и училась весьма прилежно. В деревне многие зарились на учебные материалы будущих столичных студентов, да и сам Мингуан давно подумывал попросить эти тетради для дочери.

— Ты пока за первый класс старшей школы возьми, — посоветовал Гоудань. — Сразу за все хвататься не стоит, только запутается девчонка. А Ван Сюань все тетради строго по годам разложил, заниматься по ним — одно удовольствие.

Им эти конспекты больше не понадобятся, так зачем добру зря пылиться на полках, когда они могут сослужить хорошую службу толковому ребенку?

— Ох, спасибо тебе, Гоудань! — расплылся в улыбке Мингуан, бережно прижимая к груди драгоценные тетради. — За вашими конспектами половина уезда охотится. Теперь-то моя Ниеэр точно подтянет учебу, с такими-то записями...

— Да ты не торопи ее, — усмехнулся Гоудань. — Не надо девчонку тиранить. Вон, наш батя отродясь нас учиться не заставлял, а мы возьми да и поступи.

Мингуан весело расхохотался:

— Нашел с кем сравнивать! Твой отец в этих делах вообще ничего не смыслит. Он ведь про твои экзамены только от соседей и узнал!

Несмотря на солидную разницу в возрасте — Мингуан годился Гоуданю в отцы — общались они на равных, по праву родственного старшинства. И Мингуан давно уяснил: этот паренек умен не по годам, деловит и хваток, так что держать его за несмышленного мальчишку было бы глупостью.

И вот настал день отъезда. Нагруженные узлами и чемоданами, предвкушая великие перемены и слегка робея перед неизведанным, трое путешественников поднялись в вагон поезда, идущего на север. Ли Сы, проживший долгую жизнь и, по его собственным словам, уже одной ногой стоявший в могиле, впервые в жизни оказался на железной дороге. Для Гоуданя же и Ван Сюаня поездки на поезде давно превратились в рутину, о которой они вспоминали без всякого восторга — бесконечные часы в душных вагонах во время каникул утомляли кого угодно.

Но для Ли Сы все вокруг казалось пугающим и чуждым. По привычке он попытался взвалить самые тяжелые тюки себе на плечи, но с удивлением обнаружил, что ноги предательски подкосились. Сын мягко отстранил его руку и одним легким движением перехватил поклажу.

«Старею...» — с грустной улыбкой подумал Ли Сы.

Раз уж силы покинули его, Ли Сы решил, что его главной задачей будет не потеряться в толпе и не стать обузой для сыновей. Он шел шаг в шаг за Гоуданем, не сводя с него напряженного взгляда, и выдохнул лишь тогда, когда они благополучно заняли свои места, а багаж был водружен на верхние полки. По дороге ребята наперебой объясняли отцу нехитрые правила дорожного быта: как вести себя на станциях, к кому обращаться за помощью и что делать, если вдруг отстанешь от поезда.

Они настойчиво вбивали ему в голову дорожные премудрости: куда прятать деньги, где раздобыть кипяток для чая, как пользоваться уборной и где покупать еду. Ли Сы слушал затаив дыхание, боясь упустить хоть слово. Старик, никогда не покидавший родного уезда, озирался по сторонам с детским восторгом и любопытством. Даже плач младенца на соседней полке вызывал у него удивление.

«Ишь ты, совсем кроха, а уже на поезде разъезжает, — думал он. — Ну и счастливое же нынче время настало».

Времена и впрямь менялись стремительно.

Когда состав наконец тронулся и набрал ход, сердце старого крестьянина впервые в жизни затрепетало от небывалого восторга. Морщины на его лице разгладились, уступив место тихой, робкой улыбке. А старый поезд, мерно постукивая колесами на стыках рельсов, уносил их все дальше на север, навстречу великой столичной мечте.

<http://bllate.org/book/19654/1996788>